

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

ГОГОЛЬ БЕССМЕРТЕН

Мы уже печатали в 2012 и 2013 году заметки и воспоминания о встречах, ситуациях, которые были у нашего автора, известного писателя, общественного деятеля Валерия Ганичева. На основе собранных высказываний, забавных и, прямо скажем, поучительных историй и фактов, опубликованных, в основном, в “Нашем современнике”, в издательстве “Вече” выходит небольшая книга “Блѣстки и блики: Гоголь бессмертен”. Предлагаем новые записи.

Ванька, не зевай!

Василий Шукшин сразу предстал перед обществом как талантливый режиссёр, но и его рассказы вызвали восхищение и удивление. Ба! Да он же прекрасный рассказчик. Побывал он и у нас в “Молодой гвардии”, поделился планами, предложил свой томик рассказов с удивительной наблюдательностью, с выразительной речью героев, добрым, а иногда и ехидным юмором. Прозаик? Ан, нет. Вот он уже играет в “не своём” фильме Серея Бондарчука “Они сражались за Родину”. И вот уже почти в конце съёмки звонит с Дона: “Ты на месте? Хочу приехать в Москву и подать заявку на рассказы”. Удача: “Приезжай!” Явился он какой-то задумчивый, но взволнованный. Поразило многое: ведь он поехал в немалой степени посмотреть да и поучиться у Бондарчука снимать панорамные, исторические, батальные сцены. Он уже вовсю думал о “Степане Разине”, мысленно выстраивал линию, сцены, драматургию кино. А “Война и мир” Сергея Бондарчука прошла первым экраном во всём свете, получила “Оскара”, да и всеобщее признание зрителей. Не знаю, удастся ли кому-нибудь создать что-то подобное. Ведь повторить это невозможно. В фильме Бондарчука участвовали войска всего военного округа, предупреждая для захватнического мира горел Кремль, шли в бой партизаны. В самое атеистическое время Кутузов вставал на колени перед “Одигитрией”, и всё русское воинство молилось. Да, только Бондарчуку с его авторитетом это позволялось. Василий хотел это впитать, посмотреть на площадке кино, да и сам сыграл так, что образ шолоховского Лопехина становился хрестоматийным. Резко ходил по кабинету, останавливался, закуривал, бросал: “Мне же хуже нельзя. Знаешь, чем меня больше всего поразил Шолохов? Я ведь во ВГИКе, в московских салонах воспитывался, в том числе у Ромма. А там имя Шолохова вызывало неприязнь, даже злбу. Безусловным фактом считалось, что он украл “Тихий Дон” или, по крайней мере, первую его часть. Я, конечно, не очень-то верил, но кое-какое сомнение оставалось, ведь говорят авторитеты.

Потом и особенно там, на Дону, в Вёшенской, я понял, что в лучшем случае это играет амбиция, зависть, а то и злость, что этот человек не их круга написал гениальную вещь. Куда лезет в калашный ряд, он нами давно занят”.

“Дак вот, — сел он, а потом вскочил. — Я видел Мудреца. Он степняк, руку ко лбу приложил и смотрит: кто там скачет вдаль: друг или враг? Различает врага издали. Мы-то таёжники; в лесу идём — ружьё наготове: вдруг из-за дерева выскочит зверь? А он врага различал издали. Говорит мне: “Василий, на двух лошадях не ускачешь: кино и литература. Выбирай!” Я и говорю: “Вот после “Они сражались за Родину” сниму “Степана Разина” — и за прозу”. Он усмехнулся: “Ну, давай за это и выпьем чарку”. Я побелел: “Завязал я, Михаил Александрович. Скажете — выпью, но Вы ведь знаете, что после этого и скатерть со стола могут сдёрнуть”. “Ну, казак слово держит — и это правильно. А мы за тебя выпьем”.

“А я к тебе, — сказал он, — с заявкой на будущее. Знаешь, как назовём: “Ванька, не зевай!” Ты ведь знаешь, как нашего брата ловят на простодушии и доверии, да и хочу к этим парням обратиться: “Будьте самими собой. Кто в деревне говорил нормальным русским языком, в городе тому подсовывают некий сленг и матерщинку, да ещё во всех случаях жизни. Мы, конечно, крепкое слово употребляем, но никогда при детях и женщинах. Ты в деревне поёшь народные да военные песни, а тебе подсовывают, знаешь, как их называют, да, шлягер, чтобы хриплым, да не мелодичным голосом. Надо, чтобы все мы помнили, какие деревья растут в нашем лесу, какие цветы цветут. Нет ничего лучше Родины. Не зевай, Ванька!”

Заявку он прислал, но пришла она уже после его кончины. А она наступила через десять дней после этой встречи.

Дайте глобус Украины

Анекдот старый, но говорят, что и ныне это произошло во Львове. В магазин вошёл майданщик и потребовал: “Дайте мне глобус Украины”. И, видя недоумение на лицах продавцов, пригрозил: “Не дашь — ось “калашников”. Принесли три глобуса (от греха подальше). Выбрал один, где было больше блакитного цвета.

Мифы, слухи, факты

Вот, например, три мифа советской истории. Небывалым успехом пользовалась книга В. Успенского “Тайный советник вождя”. Читатель, народ очень хотел, чтобы Сталин обязательно имел мудрого советника, трезвого подкачика, честного свидетеля, и, несмотря на ехидные улыбочки военных, историков, книга пользовалась большой популярностью. “Не мог же Сталин всё знать, значит, мудрец был рядом”. Успенский ссылаясь на Жукова, хотя того уже не было, на генерала Власика, начальника охраны вождя, хотя тот тоже почил... Но читатель твёрдо верил, “тайный советник был”. Может, потом и докажут, что был. А вот профессор Жухрай, он же Меньшиков, вроде бы служил в НКВД и КГБ и узнал про подобные истории, которые собирали немало народу на его лекции.

В истории, скорее, возле истории, всегда возникают мифы, которые нередко потом выдаются за факты. Так вот профессор Жухрай доверительно сообщал, что у Сталина был сын, то ли внебрачный, то ли от таинственной первой жены-грузинки, который имел фамилию Джугашвили, в обиходе “Джуга”. Он имел задание заниматься охраной Сталина. После смерти последнего и XX съезда он уехал в Албанию, откуда наведывался в Союз при Брежневле. Но потом Джуга снова уехал туда и канул в неведомые дали истории. Неправдоподобно или, по крайней мере, не имеет подтверждения. Но миф в устах профессора Жухрая жил долго, а кое-кто и сейчас ждёт приезда Джуги.

Или вот ещё два мифа, которые утверждались в серьёзных книгах. Так, в добротной в целом книге “Генералиссимус” Владимира Карпова публично утверждалось, что в октябре 1941 года в занятом немцами Ельце состоялись тайные переговоры, которые якобы благословил Сталин, наших генштабистов и немецкого высшего военного руководства о заключении перемирия между Германией и Советским Союзом.

Могло ведь показаться, что это правдоподобно. Немцы захлебнулись в сражениях первых месяцев, а Советский Союз, казалось, защищается из

последних сил. Немцы вроде бы хотели закончить всё с Англией, а Советский Союз получал передышку, не зная ещё, как поведёт себя Япония. “Бред, – сказал один из генштабистов, – полная чепуха”. “Не могло этого быть”, – сказал более осторожный мидовец, хотя в истории и бывают катастрофические ситуации, из которых можно выйти лишь “позорным миром”, который потом обернётся успехом или решающим фактором в истории. Ну, например, “позорный” Брестский мир 1919 года закончился поражением торжествующего победителя – Германии.

Ну, а вот ещё два мифа. Боевитый и талантливый советский генерал, орденоседец Власов сдался в плен немцам в 1942 году. А дальше, в силу каких-то психологических причин, – возможно, испугался, струсил, – перешёл на сторону немцев, получил в своё ведение целую армию, состоящую из пленных и частью из тех, кто сознательно перешёл на сторону фашистов.

Сомнений во время войны не было: **предатель!** Человек, перешедший на сторону врага и пользующийся оружием противника против собственной Красной армии, мог быть только предателем. Мало кто мог сказать слово оправдания для стреляющих по своим в минуту тяжёлых испытаний.

Но вот в конце 80-х – начале 90-х годов новые идеологи, выжигая всё советское, решили и Власова подать как идейного врага советской власти и коммунизма. Восстали ещё живые фронтовики, объективные историки, да и большинство советских граждан. Предатель и бывший враг индальгенцию не получил. Ах, как хотели его наши либералы “встроить” в “героический ряд” борцов со сталинизмом. Но предателя-генерала народ не оправдал, в герои не перевёл. Тут уж известный гоголевский мотив: “Я тебя породил, я тебя и убью”.

А вот другая фигура изменника и врага вдруг на Украине приобрела романтическую окраску героя и борца.

Когда я жил в 1945 году на Полтавщине, то сосед-дед называл Бандеру только бандитом, а наш военрук Иван Коробка, прошедший всю войну от границы до Сталинграда, а потом до Берлина, о Бандере говорил с ненавистью: “Ты знаешь, эти сволочи устраивали засады. Стреляли в спину моим солдатам”. И с гордостью говорил: “Украинцы – вторые после русских по числу героев Советского Союза и награждённых орденом Славы”. В Киевском университете, где я учился с 1951 года, наш комсорг Яшка Серищев всё ещё вздрагивал после громких хлопков дверью. “Я пять лет на работу ходил с пистолетом, был секретарём райкома комсомола в Западной Украине. Знаешь, ведь они никого не щадили. Эта УПА не щадила ни стариков, ни детей. Тысяча поляков, евреев, да и русских, которых на этой территории было не меньше, тогда погибли в 1941–1945 годах”.

Володя Сулима, мой знакомый украинец, говорил: “Разве я им могу простить, что они стреляли в спину бойцов Красной Армии, которая шла освобождать Европу? Моего дядьку убили. И вдруг эти люди не бандиты, не пособники злейшего врага Украины фашизма, а герои?”

Да, действительно, в большинстве семей Украины были бойцы, сражавшиеся в Красной и Советской армии за общую Родину – Советский Союз. За освобождение Украины от фашизма погибли сотни тысяч, а может, и миллионы воинов. Украинцы, все, кто живёт на Украине! Неужели потомки должны забыть своих отцов и дедов? Неужели из памяти украинцев должны быть вычеркнуты имена трижды героя Советского Союза, лучшего аса Ивана Кожедуба, маршалов Малиновского, Черняховского, Рыбалко, Лелюшенко, батьки Ковпака, партизан-молодогвардейцев и других сотен тысяч героев?

Неужели потомки миллионов забудут их, предадут их проклятиям?

Неужели целый народ можно обмануть?

История покажет. Ведь обманул же Гитлер немецкий народ. Но Сталин ещё в первые дни войны сказал: “Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остаётся”.

Якутский Гомер

Когда наш пленум писателей приехал в Якутск в 1995 году, время было тревожное. Недавно был расстрелян Белый Дом, наш парламент. На Кавказе шла подлинная война. Строптивный генерал Дудаев не хотел подчиняться Центру, разрастался ваххабизм. Призыв Ельцина: “Бери суверенитета, сколько

можешь!” – стал претворяться в жизнь. Брала, хватала, воровали, под стать русским и еврейским олигархам. Кто ныне помнит Гусинского, Невзлина, Березовского, а тогда они были вершителями жизни. У притихшей и оцепеневшей державы всё распадалось, расчленилось, отчуждалось. То же происходило и с литературой. Вот был я в Башкирском Союзе писателей тогда. Башкирский председатель с гордостью мне говорил: “Вот только что двести писателей (откуда их столько?) были в Анкаре. Нам пообещали, что скоро башкир будут читать во всей Азии”. Нашим же либералам пообещали, что их скоро будет читать вся Европа. А интерес к ним упал, ибо все цели антисоветизма были исчерпаны, а подлинная русская литература Европу не интересовала, Азии вообще было не до литературы.

Президент Якутии, умный, осторожный, деятельный и высококультурный человек – Михаил Ефимович Николаев – чувствовал толчки, направленные на развал. Ему были чужды и крикливый сепаратизм, и чванливое пренебрежение Центра. Он много сделал для развития якутской культуры, оперы, театра и самобытных обычаев. Но как человек широкого кругозора, он искал точки соединения в слове, литературе. Позднее я его встречал, когда он как член Совета Федерации несколько раз бывал в Константиново, на родине Сергея Есенина: “Ищу здесь волшебный камень и секрет мастерства”, – шутил, а может, и не шутил он. Так вот, Николаев в 1995 году предпринял важный шаг к объединению писателей. Он, пользуясь могуществом алмазной компании АЛРОСА, заказал громадный самолёт ИЛ-62 в Москве и предложил писателям России, нашему Союзу, прилететь в республику, побывать в улусах, провести здесь пленум “В единении сила”. Не в Москве, не в кабинетах Ельцина, не в Министерстве культуры родилась эта мысль. Там занимались “распиллом” собственности Советского Союза и угрозой войны в Чечне. Мудрый и умный человек был Николаев, да и мы не простофили. После объединения в Орле искали общее литературное поле в стране.

В Якутск прилетели не простые люди, туристы, наблюдатели. Это прилетел отряд надежды. Может быть, и не все оправдали их, но среди них были Валентин Распутин, Василий Белов, Михаил Алексеев, Пётр Проскурин, Виктор Лихоносов, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев. Были и писатели из национальных республик. Среди них был и Суруно Омоллон, он же Сивцев Дмитрий Кононович, лучезарный человек, хранящий в своём сердце многовековую традицию якутского и русского народов.

Всего три случая. Во время пленума мы поехали по разным улусам. Небогатые, но прибранные избы, кое-где чумы, скорее для приезжих гостей, морозка с клюквой, строганина, конечно, чистая – нет, чистойшая! – вода. Из колодца? Нет, из погреба. Она оттаивает летом. Из чего же? Из вечной мерзлоты. Суруно Омоллон, как дитя, радовался нашим небольшим открытиям. В Якутии с нами вместе восхищался красавицей Леной. Скажу честно: такой величавой спокойной мощи я не видел никогда. А ведь плавал и по Днепру, и по Дону, и по Волге, по Оби и Енисею. А затем Дмитрий Кононович решил показать нам свой таёжный улус сверху. Как? “Да вот сейчас пойдём на смотровую башню и оттуда сверху и посмотрим”. Ну, думаю, метра три-четыре. А мы пришли к таёжной деревянной Эйфелевой башне. Сможем ли подняться? “За мной, за мной”. Если 85-летний заберётся, то и мы сумеем! Вот три, четыре, пять, шесть, на седьмом начинаем отставать – стыдновато... На десятом остановились передохнуть. А он зовёт нас выше! Необъятные дали, леса, прогалины, в которых озёра, вдали Лена. Да, мощь, сила, красота. Это стихия Дмитрия Кононовича.

Второй случай. Идёт пленум, выступают писатели из всех земель, в зале полно молодёжи. Слушают внимательно, придирчиво. Иногда чувствуешь, как коллеги лепят московскую несурязицу. Да, ладно. Выходит Суруно Омоллон. Все затихают, читает стихи на якутском, переводит на русский. И вдруг потрясающая речь, обращённая к якутским ребятам: “Идите в народ, слушайте его, учитесь у истоков. Вы – якуты. Это гордо. Но Вы никто, если не овладете самой высокой в мире русской культурой, животворным русским языком”. Он говорил долго, все молчали, а потом встали и аплодировали: наши аксакалы, молодые якутские парни, президент Якутии. Такой пламенный, спасительной речи, обращённой к русской культуре, я давно не слышал.

Наша власть во все времена не очень-то советовалась со старшими по возрасту. Не эксперты, не миллиардеры, не владельцы капитала. А если бы

в 1991 году пригласили Леонида Леонова (Шолохова-то уже не было), Михаила Алексеева, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Мустая Карима и того же Суруно Омоллона, то уж наверняка они бы высказались за сохранение Советского Союза. А когда я был в Чувашии, то поразился “Слову о русском народе”, с которым просветитель Иванов, энтузиаст, учёный, обратился к чувашскому народу с высоким чувством благодарности к нему, с пророческим, провидческим словом о русском народе. Давно хочу выпустить книгу, где удалось бы собрать слова о дружбе и взаимопонимании, о неизбежности великой общей жизни.

И третий. Звонит телефон. Сурун Омоллон: “Хочу приехать в Москву на своё девяностолетие”. — “Да, что ты, мы сами приедем”. — “Нет, нет, я должен отчитаться перед своим Союзом писателей”. Ждём. Приготовили зал в Союзе. Поставили высокое кресло. Посадили в него юбиляра. Зал полный. Выступают Распутин, Проскурин, знатоки национальных литератур А. Парпара и А. Дементьев, дагестанец Магомед Ахметьев, петербуржец И. Сабилло, смолянин В. Смирнов, белгородец В. Молчанов, учёные В. Гуминский, Е. Белозерцев, С. Перевезенцев и поэт И. Ляпин. Награждаем грамотой. Но что нас ждало впереди. На сцену вышел сам Сурун Омоллон, вынес какой-то мешок, наклонился, вынул тощую книжицу и под аплодисменты заявил: “1922 год. Это один из первых якутских букварей. Сочинил его я”. Аплодисменты! Достает ещё книжечку: “Это моя первая книжка прозы в 1926 году”. Аплодисменты. Ещё одну: “1928 год. Первая книга стихов”. Аплодисменты. “А это 1932 год. Первая моя книга пьес, драматургия!” Аплодисменты. Пауза. Вздохнул: “А вот за эту книгу меня сняли и объявили выговор, почти арестовали, хотя (хитро усмехнувшись) куда дальше Якутии сослать, — и не без гордости добавил, — а вот за эту книгу наградили”. Аплодисменты, аплодисменты. Казалось, что мешок бездонный. Вот так, с полным радостью, света, служения Родине человеком мы жили. Радует за себя.

Страшный дом

В Свердловске я первый раз появился в 1962 году. Город гордился своей боевой славой, своими традициями.

“Урал — опорный край державы”, — писал Твардовский. Да и студенческий центр тут был немалый. Я и приехал к студентам. Меня для начала решили “макнуть”. Повели в УПИ (Уральский политехнический институт) — “крупнейший в стране” (гордо говорили уральцы, правда потом поправлялись — после МВТУ, хотя поправлять можно было и дальше: после Ленинградского, Киевского, Харьковского...). Ну, не крупнейший, так более разнообразный, работающий не только на Москву, а на всю Сибирь и Урал.

Покойный Володя Мордкович, один из вожаков студентов Свердловска, безапелляционно сказал: “Сегодня едем в УПИ к самому председателю общей организации комсомола института”. Видя моё недоумение, объяснил: “Ну, у нас так называется секретарь”. Я пожал плечами, но неожиданно настоял, чтобы прежде мы сходили в общежитие УПИ. Когда пришли в институт, поднялись по парадной лестнице с коврами, вошли в комнату, которая называлась “Приёмная комсомольского штаба”, девочка забежала в кабинет и торжественно заявила, выйдя из него: “Вас ждёт председатель!” Я шагнул вовнутрь. Кабинет был метров под 30 длиной. За столом сидел и что-то писал крепкий молодой человек. Он не встал, не вышел из-за стола, а молча показал на стул перед ним. 30 метров я прошёл медленно и сосредоточенно. Что там министр высшего образования, у которого мы бывали не раз? Председатель сидел под сенью двух перекрещенных знамён — как бы в их ореоле. Медленно встал и медленно рассудительно сказал: “Председатель объединённой организации Житенев, — подумав, добавил, — Владимир Андреевич”. Я, пригасив усмешку, доложил: “Инструктор студенческого отдела Ганичев Валерий”. Житенев пригласил присесть, затем полчаса рассказывал про УПИ и милостиво спросил: “А вы-то с чем пожаловали?” Я скромненько сказал: “А вот бытом и условиями жизни студентов интересуюсь. Я тут был в вашем общежитии УПИ. Не убрано, грязноватенько, да и холодно, студенты в пальто ходят в комнатах”. Житенев, блеснув глазами, встревоженно спросил: “Кто же Вас туда пропустил?” — “Да вот, Владимир нас туда провёл”. Тут уж вся сталь глаз обратилась к Володе. Тот поспешил ответить: “Да ведь инструктор-то из Москвы

потребовал, а Вы знаете: столица для нас указ” (сьехидничал). Беседа сразу перешла в другое русло, пошли объяснения и обещания. Поставить на место гостя из Москвы не удалось. С Володиёв Житеневым мы потом подружились — он был добрый и внимательный человек, помог, будучи в ЦК партии, “продвинуть” документ о передаче Оптиной пустыни Церкви, подписанный Г. Свиридовым, В. Распутиным, космонавтом В. Севастьяновым, академиком Н. Толстым, мной на рассмотрение Совмина и Политбюро.

А вообще уральское землячество в Москве было крепкое и мудрое, хотя и выпивающее (на то и опорный край державы...) Так, Саша Куклинов, бывший первый секретарь обкома комсомола, рассказал, что он, как и многие тогда, засиживался на работе до десяти и одиннадцати вечера. Вдруг звонок: “Куклинов?” — “Да”. — “Ты до сих пор на работе?” — “Да”. — “Зайди ко мне — это Николаев говорит”. Николаев был первый строгий секретарь обкома партии. “Я иду, — размышлял Куклинов, — в обком в 10.30 вечера, секретарь застал меня на работе, видит моё усердие, похвально!” Захожу. Николаев встает, подводит меня к окну и показывает: “Видишь?” Молчу, потом неуверенно говорю: “Деревья, кресты...” А напротив райкома было расположено тогда старое кладбище. Его не разрушили: много знатных людей было. **“Так вот это всё незаменимые** — так они считали! — вот сейчас в могилах лежат. Запрещают тебе после семи, в крайнем случае, после восьми вечера работать, — и, не сказав больше ничего, подтолкнул к двери. — **Иди, незаменимый”**. С тех пор это слово у нас носило ироничный и даже издевательский характер.

Но, пожалуй, главное, трагическое и даже историческое значение имело для меня было посещение Ипатьевского дома — того Лобного места России, где расстреляли императора Николая II и его семью. Во всех перипетиях расстрела я тогда не очень разбирался, преподаватели говорили об этом глухо и неохотно. Много позже я узнал много о трагической гибели царской семьи, но и тогда, в начале 60-х годов я испытывал мистический ужас, как и многие, перед этим местом убиения.

Володя Мордкович на третий день сказал: “Завтра пойдём в Ипатьевский дом”. — “А он разве не закрыт?” — “Мне в исполкоме пообещали на полчаса открыть”.

Я не знал, надо ли согласовывать ещё с кем-нибудь посещение этого трагического места, но, конечно, согласился. Честно, не помню многое из этого посещения, но сырой, затхлый воздух охватил нас, когда мы спускались в подвал. И скрип этот ужасный, пронзительно-зловещий скрип разошедшейся лестницы, по которой спускались в 1918 году вниз, в подвал, царствующие стратотерпцы. Скрип — скрип — скрип! Казалось: история продолжает выплывать звуками того времени. Мы вошли в нижний зал, рука невольно потянулась ко лбу. Володя этого, казалось, не заметил. Комендант дома что-то говорил: о том, что на стене до недавнего времени проступали следы от выстрелов, что-то ещё, но я поторопился к выходу. В голову проникала какая-то тень. Непонятная боль сдавила грудь, стучало в висках. Вышли и долго молчали. Я попросился сразу в гостиницу, от вечерней встречи отказался. Было сумрачно, по улицам, как всегда, тянулся мокрый туман.

Когда почти через тридцать лет я рассказал Солоухину об этом зловещем, ещё сохранившемся помещении — месте русской Голгофы, — он глубокомысленно сказал: “Этот город зловещей печатью с тех пор отмечен. Вот и Ельцина он России подарил. И пока не изменит это зловещее название Свердловск, то житья ему не будет, — и чувствуя, что надо ещё что-то доказывать, добавил: — А всем городам с именем цариц не повезло. Вот Екатеринославль сменили на некоего никому не известного Петровского, сейчас хохлы подыскивают городу новое название. А Екатеринодар сменили на Краснодар. Сколько крови казачьей пролилось там? А вот именем царицы был назван симпатичный город Елизаветград. После революции — в этой губернии родился Троцкий — город решили назвать Троцк, но не успели: Сталин с Зиновьевым и Каменевым свергли Троцкого, назвали город Зиновьевском. Ан и тут не вышло: “посадка” Георгия, и Зиновьевск меняют на Кировоград. Сейчас, говорят, ищут какого-нибудь гетмана, чтобы назвать его именем. Так что будь уверен: Свердловск не удержит своего названия”.

Да, меняется и история, и география, хотя вот некоторых цареубийц и их родственников я ещё видел. Так, на XIV и XV съездах комсомола была дочь одного из организаторов расстрела — Римма Юровская — в качестве почётной

гостя... Неисповедимы пути Господни! Похожая на одну из известных правозащитниц, она уехала потом, кажется, в Израиль. Хотя террористов там тоже не любят.

Отцу плохо...

С 1 сентября 1964 года я работаю в журнале “Молодая гвардия” заместителем главного редактора Анатолия Никонова. Фигура известная. Его два раза снимали с работы (один раз даже решением ЦК партии), но он каждый раз “всплывал”. Крепок орешек для либеральной “оттепели”, даже доклады, как говорят, с самим Павловым (первым секретарём ЦК комсомола) пишет. Умный, твёрдый патриот, советский до корня человек, фронтовик, из семьи потомственных интеллигентов. Неплохие вещи даже модных “эстрадных” поэтов помещал. Вот А. Вознесенского поставил в номер, но сам в это время предусмотрительно уехал. Выговор, правда, выносили мне, но потом оказалось, что это была демонстрация для “старших товарищей”. Я обиделся, но завотделом бумажку о выговоре разорвал перед моим носом. В награду, что ли, или в компенсацию за обиду меня послали в молодёжный Олимпийский лагерь в Японию на Олимпийские игры в октябре 1964 года. Нас было 4 человека, когда мы через нашу Находку и японскую Йокогаму, сливающимся со столицей, прибыли в Токио на пароходе, то с трудом нашли там Олимпийский лагерь, в котором были спартанские условия: двухъярусные койки, очереди в душевые и туалеты. Но это чепуха, нам не привыкать! Зато дали несколько билетов на Олимпийские игры. Нам достался бокс и тяжёлая атлетика. В боксе блистательно выступал наш Виталий Попенченко (позднее я выпускал его книгу). 10–15 секунд – и соперник в нокауте на полу. В полуфинале мы только разместились на сидениях, как боксёры объявлены, они расходятся, и противник уже летит. Публика ревет от восторга, но недовольна, что так быстро закончилось зрелище. В общем, было ещё несколько посещений соревнований Олимпиады, но немного. Мы предприняли интересный ход: аккредитовались от наших журналов “Смена”, “Вокруг света”, “Молодая гвардия” (бланк с печатями у меня были). Нас аккредитовали. Блестяще. Дальше были свободные посещения (журналистов везде пускали и привечали). Бывали мы и на массе приёмов. Например, когда мы приходили в отель “Отани”, единственный высокий, сейсмически устойчивый небоскрёб, то к нам бросились щегольски одетые в тёмные модные костюмы молодые люди в белых перчатках, которыми стали вытирать наши туфли, немало смутив нас. Перчатки они уже выбросили и посадили нас на низенькие лавочки, перед которыми очаровательные девушки (“гейши”, – шепнул немало повидавший Генрих Гурков, а нам-то что – дюймовочки симпатичные!). Они устроили нам получасовую “чайную церемонию”, поворачивая и взбалтывая чайнички и чашки. Любопытно, познавательно, но долго. Так что Япония представлялась нам во всех своих ракурсах: технологических, компьютерных, национальных. По главной улице Токио Гинзе мы ехали однажды 2 часа (пробки!). Вот ужасы капитализма! Конечно, нынче по “пробкам” мы сравнялись с Токио. Двигаемся к прогрессу! В общем, было много впечатлений, но одно из главных – мы устали от жары и смога Токио. Пошли ночевать на наши корабли, где нам была оставлена 4-местная каюта. Это было 23 октября. А утром спокойно слушаем последние известия, и вдруг раздаётся голос, вполне смахивающий на левитанский, и говорит, что состоялся пленум ЦК КПСС, который отправил на пенсию Никиту Сергеевича Хрущёва. Генеральным секретарём партии избран Леонид Ильич Брежнев, Председателем Совета Министров – Александр Николаевич Косыгин, а Председателем Президиума Верховного Совета СССР – Николай Викторович Подгорный. Мы, как и все советские люди, были ошеломлены. Не тем, конечно, что Предсовмина и Председатель Верховного Совета должны избираться Верховным Советом, а тем, что ушёл Хрущёв. Звоним в посольство – телефоны молчат, в Олимпийскую деревню – там всё время занято. Туда мы и мчимся, благо пропуск у журналистов был свободный. Все встревожены, стоят кучками. Подходим к группе руководителей: Юрий Машин – министр спорта тогда, Александр Камшалов – секретарь ЦК комсомола, генерал КГБ – ответственный за безопасность делегации, пытаемся вклиниться в разговор. Камшалов отмахивается: понимаете, провокация, везде распространены на английском и на русском листовки, что-де у нас

смена власти, ушёл Хрущёв, стали Брежнев, Косыгин, Подгорный. Собираемся заявить протест. Никакая не провокация – мы сами слышали по радио из Москвы. Все сразу обернулись к нам, смотрели с подозрением. Вдруг Камшаров хлопнул себя по лбу: так вот почему вчера стремительно, через Карачи (Пакистан) улетел Сергей Павлов. Получил телеграмму: “Срочно вылетай, заболел отец!” Павлов мгновенно и вылетел. Нам стало ясно, кто такой отец. А ведь истинный отец у Павлова, кажется, уже умер. Фактически Олимпиада для нас закончилась. Через несколько дней наш корабль взял курс на Находку.

Маршалы не шутят

Молодёжь — залог Победы.

Жуков

Возможно, для меня это был главный разговор о судьбах и причинах войны, и этот разговор был с человеком военным, который много потерял, иной раз проигрывал, но страна звала его Маршалом Победы. Уже прошло четверть века, как окончилась Великая война, но она была Отечественная, т. е. война всего Отечества. И теперь споры о ней не утихают. Франция, которая за 40 дней потерпела поражение от Германии и склонилась перед ней, упивалась миром и победой, подаренной ей союзниками, – в первую очередь, Сталиным: он хотел видеть в ней противовес Англии и США. Англия радовалась, что осталась живой, хотя подспудно понимала первенствующее место России в победе, но отдавать ей пальму первенства не собиралась. Ну, а Америка получила невиданные барыши (кому война, а кому мать родна!), хотя мы не можем не помнить её высоких и радостных парней, которые тоже сражались за победу.

У нас уже тогда, к началу 70-х, прошло, по крайней мере, три коренных переоценки войны.

Первая, послевоенная, когда меньше старались говорить о жертвах. Из оборота вывели цифру 19 миллионов погибших мирных жителей, да и 9 миллионов военных. Много!

Вторая, хрущёвская – воевали плохо, трупами завалили страну, Верховный командовал фронтами по глобусу.

Третья, уже в 70-е годы, при Брежневе, – уважение к фронтовикам было восстановлено. Слава и блеск Сталинграда, Курска, Прохоровки чуть поблекли, возгорелась звезда Малой земли, правда, потом всё устоялось. Стали выходить мемуары военачальников, маршалов и генералов. Контроль ГлавПУРа, конечно, был, и не всё проникало в прессу. Помогала понята художественная литература. Ведь далеко не всё было понятно.

И, честно говоря, чем дальше мы оказываемся от Дня Победы, тем более непонятно, как, каким образом, какими силами, в результате чего мы победили, ведь дьявольская сила врага становится всё более явственной, громадной, почти неуязвимой. И каким образом, какими усилиями в окружении врагов мы приобрели видимых и невидимых союзников?

И вот тогда мы оказались с юбилейным адресом у маршала Жукова. Мы уже были пять лет назад у великого маршала. Тогда уже получили незабываемые впечатления. Во-первых, когда мы вручили ему большой и изящный однотомник Шолохова, то военный до косточки человек произнёс: “Любимый писатель”. Великая воля склоняется перед великим писателем, его талантом. И ещё, замечательную поэтическую книгу выпустили мы тогда – “О русская земля... Антология русской поэзии”. Маршал сказал тогда: “Мы на фронте высоко ценили патриотическую поэзию”. Всегда вспоминаю эту великую стратегическую фразу! Способны ли сегодняшние власти это уразуметь?

В год 75-летия мы тоже пришли с кучей гостей. Сам Цеденбал, который был с Георгием Жуковым на Халкин-Голе. Был там и министр внешней торговли Патолитчев, и другие. Мы после них зачитали адрес, выпили по рюмке коньяка и задали несколько вопросов. Когда заканчивали, то долго не решались показать свою некомпетентность. Я задал вопрос: “А всё-таки, почему мы победили, товарищ маршал?” Сурен Арутюнян, секретарь по оборонно-спортивной работе, с недоумением и даже возмущением взглянул на меня. Маршал, заметив повышенную тревогу, остановил её и поднял ладонь: “Правильный вопрос”. “Знаешь, – обратился он почему-то ко мне, – мы от нем-

цев отставали до войны, нагоняли. Возьми, генералы немецкие – стратеги. Мы у них учились в штабах, книгах, на картах. Это же известные всем Клаузевиц, Шлиффен, Мольтке, прусский офицер, – покачивая головой, сказал маршал, – это же военная косточка, он ведь не с довоенной поры, а от Фридриха Великого. Немецкий солдат, – с огорчением продолжал он, – он же был **победоносный** солдат к началу войны. Францию почти за сорок дней разгромил. Бельгию и Данию взял за два дня. Польша повержена. На Норвегию пять дней хватило. Греция у его ног. На Крите – боевой воздушный десант. Он и нас за месяц хотел раздавить, тем более что лучшие образцы техники у нас появились к концу 42-го”. Маршал замолчал, налицо набежала тень тёмных месяцев. Он снова отвердел и чётко сказал, почти провозгласил: “Мы победили потому, что у нас был **лучший, молодой солдат, боевой, подготовленный духом и мужеством**. Ведь когда начала работать на всю мощь молотилка войны, он-то и выстоял”. Говорили ещё, но в ушах стояло “**лучший молодой солдат**”. Когда выходили, Сурен сказал: “Может быть, пошутил, польстил нам, ведь приходила молодёжь?” Витя Байбиков твёрдо сказал: “Маршалы в серьёзных делах не шутят”.

Аксаковские дни возрождают Россию

Угасают очаги нашей культуры. Пока какой-нибудь писатель или известный артист не возьмётся за возрождение.

Один из таких подвижников – Михаил Чванов из Уфы. Как ему удаётся уже более двадцати лет проводить Аксаковские дни в Башкирии? Это ведь надо было разъяснить, развеять, втолковать местной власти, что Иван Аксаков, все Аксаковы – национальное достояние. Надо было достать сердце и душу богатых людей республики, чтобы они отщипнули, а то и отвалили немалые деньги, чтобы создать, восстановить, а прежде – вернуть Дом Аксаковых обществу, превратив его в подлинный факел просвещения, пробить тропу, а потом и дорогу к возрождению села Надеждино, их бывшей усадьбе, к восстановлению церкви, библиотеки, дороги, сносного жилья вокруг. Кто не видел пустынной, полустепной округи тогда, а видит только воздвигнутые сегодня сооружения, храм, дом-музей, тому кажется, что всё обычно. Не понимая, не ощущая, сколько души, сердца, да и слёз невидимых пришлось отдать людям для возрождения этого уголка России. Тут каждый уголок можно назвать уголком Чванова, а он-то назовёт другие имена, других людей, сподвижников, далёких и близких. Спасибо ему и сотоварищам, что тут у нас очаг духа и знаний.

Помню, приехал с делегацией Союза писателей, да ещё и с сирийцами, во главе которых был великий борец за Сирию, возглавляющий тогда Всеарабский союз писателей, Али Акля Арсан. Вечер в Уфе. Арабы, да многие и наши писатели постигают духовную суть Аксаковых, их необходимость для сегодняшней России и мира. Утром выезжаем. Первая встреча – в русской Александровке, где только что женщины достали из сундуков такие потрясающие платки, где сохранили столько русских народных песен! На столе – огурчики, грибы, пирожки, да и медовуха рядом. Красота, полнозвучный фестиваль! Но нет, едем в соседнюю деревню, а там родился классик чувашской литературы Яков Усхай. Тут уж старались чувашки. Море разлитое песен, костюмов, вышивок – прямо как декада чувашской культуры в Москве в доперестроечные годы и, конечно, угощения...

Далее попадаем в село самого Мустая Карима, мудрого, спокойного, влюблённого в родину писателя, в котором течёт и башкирская, и татарская кровь. Мы его не раз издавали в “Молодой гвардии”. Он никогда ничего не просил, приносил рукопись и скромно говорил: “Почитайте, если понравится, на какой-нибудь год поставьте”. С удовольствием. Он вместе с Расулом Гамзатовым, Кайсыном Кулиевым, Давидом Кугультиновым, Чингизом Айтматовым составляли крепкое ядро национальной литературы Советского Союза. После беседы – угощение. На скатерти-самобранке – национальные вкусы.

Впереди – татарский город Билибей. Татары в Башкирии – большая часть населения. В Билибее – хлеб-соль на входе, в забитом дворце культуры – наши выступления, концерт народной и симфонической музыки. Большой и знатный город Билибей. Глава администрации подмигнул и сказал, что только что получили золотую медаль за водку, что признана в России лучшей.

И далее Надеждино. Снова песни, добрые слова, угощение. Сириец Али Акля Арсан, не раз бывавший в сражениях, прослезился: “Всё похоже на сон, на Ваши советские фестивали, правда, тогда без мечетей, – поправился, – без церквей”. Да, это были малые фестивали, которыми и держался ещё дух России.

Ехали обратно, пошёл дождь. Автобус подёргался и застрял. Я посмотрел: одно колесо висело над пропастью, другое – спустило. Что делать? Миша ушёл за трактором в деревню, до которой было 10 километров. Я возвратился в автобус и нашёл всю делегацию в одном углу, где дружно пели русские народные казачьи, советские песни. В ударе была Татьяна Петрова. В песенных заводилах была и моя жена Светлана, а дирижировал бывший министр культуры Юрий Мелентьев, подпевали и сотрудники ИМЛИ. Через два часа пришёл трактор и вытащил нас. Но этот фестиваль над пропастью был у нас у всех в памяти на долгие годы. А Мише Чванову с его неуступчивостью и твёрдостью, с его великим Служением, хочется поклониться.

Знак святого адмирала Белые лебеди из-за... кораблей

2003 год. Мы с женой Светланой получаем приглашение на день рождения митрополита Кирилла. Летим из Внуково-3 небольшим самолётом в Калининград. Люди почтенные, известные в церковном и светском мире. Прежде всего, митрополит Киевский и всяя Украины Владимир. Размеренный, с каким-то чувством умиротворения и убедительности владыка Владимир нравился всем.

Прилетели и помолились в храме Спаса Нерукотворного (Христа Спасителя), который долго и тщательно возводился под началом самого Кирилла – митрополита Смоленского и Калининградского.

Вечером за трапезой со всеми священнослужителями я со страстью рассказал, какие чудеса происходили в Санаксарском монастыре во время прославления Фёдора Ушакова в 2001 году. Тогда день был сумрачный, тучи покрыли всё небо, и, казалось, вот-вот хлынет дождь. И в тот момент из часовни, где были святые останки Фёдора Ушакова, когда адмиралы взяли на свои плечи гроб и сделали первый шаг, тучи расступились, солнечный столб ударил по выносящим, стало солнечно и светло, и на небе образовался крест, который сфотографировал Вадим Арефьев. Потом, когда уже мощевницу адмиралы стали передавать иерархам, где-то задержался монах с плащаницей, а командующий Черноморским флотом сорвал с древка Андреевский флаг и торжественно сказал: “Под этим флагом-плащаницей ему и входить в мир святых!”

Рассказывал с энтузиазмом. Многим запомнилось.

Наутро в Балтийске – месте стоянки Балтийского флота – должен был в 9 часов состояться молебен. Митрополит должен был передать местному храму икону святого адмирала с частицей его мощей. Когда подъехали – моросил дождь, что для Балтийска дело обычное, ноябрь. Но как только владыка Кирилл начал службу, облака стали расступаться, появилось солнце. Епископ Балтийский Серафим обернулся ко мне и с сияющими глазами сказал: “Как при прославлении в Санаксарах”. Да, это было очередное чудо: облака уходили, осеннее солнце ласково осветило всю процессию. А после службы гарнизон строем прошёл перед иконой, получая благословение митрополита. Как мне удалось заскочить в адмиральский катер, который вёз икону? В рупор командующий поздравлял экипаж каждого корабля, ровно выстроившийся на палубе. Митрополит благословлял их, громовое “ура!” неслось над бухтой. Было светло, возвышенно и радостно, и вдруг из-за последнего боевого корабля выплыла стая белых лебедей! Откуда? В конце ноября, здесь, на торжестве – белые лебеди?! Я с подозрением посмотрел на адмирала: умеет флот организовывать сюрпризы! Он же с растерянностью смотрел на белых вестников чуда и сказал мне: “Не знаю – откуда...” Да тут можно было и не доискиваться до причин. Объяснение – знак от святого адмирала. Он являл свою духовную поддержку Балтийскому флоту, где он в С.-Петербурге и Кронштадте начинал свою земную жизнь.

“Не может быть, – сказал Суворов, – что Чёртов мост не перейти”

Эти слова я часто слышал от моего дяди Бори, тракториста и комбайнёра. Я не очень понимал их смысл, пока не посмотрел довоенный фильм “Суворов”, где его богатыри-воины преодолели неприступный горный швейцарский перевал Сен-Готард и мост через глубокое ущелье. Они атаковали наполеоновских, французских солдат, разобрали стоящий рядом дом, организовав переход через **Чёртов мост**, как называли его русские воины.

Этот бросок через горы и перевалы прочно вошёл в военно-исторические анналы как блестящая операция. Даже Фридрих Энгельс, считая себя знатоком военного искусства, недолюбливая русских, признал этот альпийский переход Суворова блестящим. Да, Суворов, вопреки всему – превосходил врага, измене австрийцев, крутости горных перевалов – вырвался из кольца окружения, спас армию. Оказывается, генералиссимус, готовясь к итальянской операции (я обнаружил это, когда писал роман “Росс непобедимый” и изучал в архивах приказы и рассуждения Суворова), в своих планах и расчётах описал все факторы и ресурсы похода. В этих расчётах – количество войск, пороха, гужевого транспорта и т. д. русской армии и австрийцев, и французов. Одним из важных пунктов, который он обозначил как стратегический: **“Возможность измены союзников”**.

Вот так главнокомандующий принимал расчёт. Если бы мы были столь же предусмотрительны, то поражений было бы меньше. Так вот, с тех пор, как я посмотрел этот фильм “Суворов”, очень захотел попасть в Швейцарию, поглядеть на Чёртов мост. Вдруг в 1967 году КМО посылает меня вместе с комсоргом МГУ Олегом Балашовым в Швейцарию встретиться с местной молодёжью.

Когда прилетел, то встречавший нас пресс-атташе посольства сказал: “Вот сразу три страны увидите – Германию, Францию, Италию”. Действительно, в Цюрихе вечерняя жизнь (или ночная) заканчивалась в 8-9 часов: закрывались бары, кабаре, увеселительные заведения. Жители сидели дома, пили вечерний чай, отходили ко сну. Это – немецкая часть. На следующий день – Женева. Шум, гам, политические митинги (выбирают мэра), спорят в кафе, музыка играет. Конечно, посмотрели здание Лиги наций. В своё время Женева играла роль миротворческой столицы, но загасла: сначала Гитлер пригласил её свет, а потом Америка забрала под своё крыло ООН. Но всё равно – шумная и весёлая Женева. Это была уже почти Франция.

Когда проехали сквозь страну на юг, то попали в город Лугано, где нашли гостиницу, заказанную заранее, вошли внутрь. И – не совсем обычное для нас зрелище: у стойки стоял высокий стул, на котором сидел полицейский, а на его коленях сидела весёлая, жгучая брюнетка, которая, увидев нас, замахала руками: “Советико, советико!” – схватила ещё бутылку вина и, несмотря на наше слабое сопротивление, наполнила и вручила нам по бокалу замечательного вина. Ну, тут ясно – Италия. Но это всего лишь одно впечатление. Ясно, что их могло быть и было больше. Свои дела мы сдесли. И я, конечно, попросился на Сен-Готард. Да, он и в то время производил грозное впечатление, хотя кругом были уютные долины и сады. Я долго стоял у этого великолепного символа победы русских солдат. Услышав русскую речь, подошёл владелец дома-гостиницы, пригласил в гости и сказал: “Вы должны здесь поставить памятник – нет, не военным, он уже есть, – а великому русскому поэту Пушкину, ведь вы страна великой культуры!” И вот через 50 лет наш посланец Союза писателей Новосёлов Игорь Петрович установил здесь бюст великого поэта. Чёртов мост стал уютнее и ближе.

И ещё одно важное впечатление: три равноценных государственных языка, да ещё и романский в придачу – это Европа, а те, кто пытаются запретить русский язык – это не то что не Европа, даже и не Азия, а глухая Африка.

Лукашенко: “Я на ваших книгах воспитывался”

В начале 90-х годов Белоруссия и её лидер выстраивали собственную, независимую от олигархата политику. У нас весь либеральный, прозападный лагерь клеймил Лукашенко за нежелание провести “прихватизацию” по типу грабительской российской. Но Союз писателей России поддерживал “батьку”. Белорусы нас пригласили в 1999 году. Неожиданно появилось много желаю-

ших проявить свою солидарность с Белоруссией. Пришлось отбирать. Конечно, Егор Исаев, В. Распутин, В. Белов, В. Карпов, И. Ляпин, В. Сорокин, П. Проскурин, С. Лыкошин и т. д. Всего 30 человек. Решили сначала съездить по всем областям Белоруссии. Вот Игорь Ляпин был с группой в легендарном Бресте. Там и появились его легендарные стихи: “А в Бресте? Всё на месте”. Вообще Игорь Ляпин был замечательный поэт-лирик и гражданский поэт. С одной стороны, у него вроде бы не было эстрадной телевизионной славы, а с другой – у него была большая, вдумчивая, серьёзная аудитория.

Мы же поехали в Витебск, типичный русский губернский город в новых реалиях. Привожу два случая. Первый – были на обувном заводе, как говорится, “капитализм с человеческим лицом”. Владельцы – умелые управленцы, связанные с итальянской обувной промышленностью, многое там позаимствовали, привезли интересные лекала, стали выпускать добротную и дешёвую обувь (даже мне Светлана купила за 200 (!) рублей осенне-зимние туфли, которые до сих пор ношу). Но, может, самое приметное и знаменательное для нас – те социальные, социалистические блага, которые были у наших рабочих в прошлом (профилакторий, детсад, грошовая, но вкусная столовая, поощрение лучших, забота о женщинах и т. д.). В цехах – цветы, поют птицы. Эх, поют ли они сегодня?

Эдуард Володин, когда мы приехали, рассказывал об этом с вдохновением и прибавлял: “Вот смотрите, нам... подарили туфли”. И показал на купленные им штиблеты. Некоторые члены пленума обиделись: “Почему нас не взяли?”

А вот второй случай: с нами в группе был Герой Советского Союза, последний Председатель Союза писателей СССР Владимир Васильевич Карпов. Все знали, что он был боевой разведчик, привёл с собой то ли 74, то ли 84 “языка”. Когда мы выступали в Витебском университете, получали записки из зала, и я вдруг вижу, что Владимир Васильевич, зачитав записку, побелел и без объявления пошёл к трибуне. “Я получил записку: “А что Вы чувствовали, когда убивали человека?” Я скажу Вам твёрдо: *ни одного человека* я не убивал, а вот нелюдей, мерзавцев убивал и до сих пор виновен и каюсь, что не убил больше”. Потом был рассказ, как он после беседы с самим маршалом Черняховским был послан как разведчик в оккупированный немцами Витебск, чтобы получить разведданные обо всех огневых точках врага, которые подготовили местные партизаны. И в проникновении в город самой тяжёлой была часть пути, когда немцы издевались над женщинами, на их глазах убивали детей, а он не мог вступить: надо было выполнить задание командующего фронтом, а потом по тем данным обезвредить огневые точки. Он выбрался от наших разведчиков, выстрелив, убежал от немецкого патруля и раненый преодолел колючую проволоку. Получил звание Героя Советского Союза, но до сих пор кается, что не убил того немца, что расстреливал нашу женщину. Но тогда бы он не спас тысячи солдат, наступавших на Витебск. До сих пор совесть неспокойна. “А людей я не убивал – ублюдков только”. Зал молчал долго, потом зааплодировал и встал.

В последний день пребывания в Минске нас принял президент А. Г. Лукашенко. Он зашёл в зал строгий, подтянутый и чрезвычайно серьёзный. Я представил всех наших. Он стоя кивнул, вытащил из внутреннего кармана бумажку и вдруг отбросил её и доверительно сказал: “Да что я вам выступление читать буду. Ведь я на ваших книгах воспитывался”. Сразу стало как-то теплее и светлее. Далее был разговор обо всём, что происходит в республике и мире. “Только обращение к жизни народной укрепляет литературу”, – закончил он. Мы и не возражали, для нас в этом был смысл.

Уезжали с уверенностью в братстве, дружелюбии и единстве с белорусами: они с нами читают одни книги.

Глубина жизни

Человек этот был необычайный, да человек ли это был или некая сила, которой было подвластно всё. Он, конечно, лечил, совершая хирургические операции, но он изменял людей, совершая невероятные пластические операции.

В Советском Союзе они были запрещены, но, когда понадобилось “склеить” одного из соратников Юрия Андропова, на такие операции было получено негласное разрешение, которое, однако, значило более, чем приказ

Минздрава. Но не этим только был славен на весь мир академик и директор Рижского института травматологии Виктор Константинович Калберз. Его пациентами были многие жители Советского Союза, Германии, Анголы, Кубы, Польши. Сам Фидель Кастро обращался за помощью для своего телохранителя, который закрыл своим телом вождя революции. Самым болезненным для молодого кубинца было то, что он получил ранение в “причинное место” и стал недосягаем для кубинских девушек (или, скорее, они для него). Виктор Константинович сделал невозможное и восстановил мужское достоинство кубинского *барбудос*.

Космонавты Береговой, Леонов, Зайцев и другие присылали приветственные адреса кудеснику, излечившему их от многих травм. Но особую рабочую репутацию приобрёл он, будучи главным хирургом Советской Армии в Афганистане. Там он неустанно лечил, оперировал раненых солдат, союзников и моджахедов. Целая школа афганских травматологов выросла там под руководством Калберза.

Я появился у него довольно случайно. В 1981 году я попал в очередную автокатастрофу (их завидное постоянство заставляло некоторых моих друзей усомниться в их случайности). Я же решил не разбираться, а сосредоточиться на излечении. Первый и второй гипс держался до полугода. Когда сняли первый гипс, вроде бы всё было нормально – лопатка срослась. Со вторым было похуже: конечно, разворотило нос, видок был ещё тот. Но главное – гипс стягивал правую руку и всё тело до пояса. Но я не унывал. Побыл в Боткинской больнице, в Склифосовского. Левая рука была свободна, но я так и не научился ею писать, а правая высывалась половиной кисти, так что тоже не писалось. На долечивание и снятие гипса друзья-товарищи отправили меня в ЦИТО. Там слегка повозились и сняли гипс. Всё хрустело. Рука не очень двигалась. Врачи, правда, говорили, что это естественный процесс, выписали домой, но при проверке на рентгене выяснилось, что образовался “ложный сустав”, а это значит: рука снова не работает. Одни говорили, что нужно ломать предплечье на те одиннадцать осколков, которые были обнаружены при переломе. Штука, не очень приятная. Что делать? Говорят, надо обращаться в Курган к доктору Елизарову. Он разработал метод исправления и вытягивания костей. Елизарова я знал: мы поддерживали его в “Комсомолке”, когда официальная медицина относилась к нему с подозрением. Позвонил ему, встретились в гостинице “Россия”, он пообещал посмотреть. Правда, в этот же вечер позвонил чемпион мира по прыжкам в высоту Валерий Брумеля, чью книгу, где немало было посвящено ему, что Елизаров лечил Брумеля, я издавал. Валерий сказал, что следует ещё раз издать его книгу в “Роман-газете”. Как-то не хотелось свои беды исправлять таким образом. И вдруг звонок: “Фёдор Углов говорит! Во-первых, ты почему у Когана в ЦИТО лечился – он же халтурщик. А во-вторых, поезжай в Ригу к доктору Виктору Калберзу. Он всё делает, что Елизаров, только лучше”. Академик Фёдор Углов был величина мировая, и на следующий день я и встретился в Москве с доктором Калберзом, который сразу мне понравился своей статьёй, рассудительной готовностью и вниманием: “Приезжайте в Рижский институт травматологии, я там директор. Ручку склеим”. Перед Новым годом я там был. Виктор Константинович, не мешкая, сделав все снимки, кость раздробил на те осколки, которые и были во время травмы, и провёл уникальную операцию. В каждый из кусочков была пропущена спица, которая закреплялась в конце шурупчиком. Делал он операцию без общего наркоза, чтобы яснее чувствовалась реакция нерва, который и стягивал руку. Чтобы я не запаниковал или не заснул, он рассказывал мне затейливые или смешные истории. Все одиннадцать спиц были пропущены сквозь осколки, и каждый день по микрофону или миллиметру их стягивали в единое предплечье. Постепенно я стал отходить. Вид был некий космический, и только потом я ощутил и понял, какая филигранная и ответственная работа была проведена над моей рукой. “Он молодец, – говорил Виктор Константинович моей жене Светлане, – не стонал, не терял сознание”. А молодец-то был он, проводя операцию, чётко следил за самочувствием больного и его сознанием. “Вам задача: творог, холодец, в общем, всё, что склеивает кости”. Светлана и была со мной все эти месяцы. Она приглашала на ночь (у меня был отдельный выход) на вечерние, вернее, ночные беседы Валентина Пикуля и его супругу Антонину. Это были запоминающиеся и плодотворные бдения. Мы оба в то время были в XVIII ве-

ке. Он писал “Фаворита”, а я – “Росса непобедимого”, и досконально знали, как тогда создавалась Новороссия.

Короче говоря, через шесть месяцев Виктор Константинович спицы вынул, колесо снял. Моя правая рука работала безупречно, и порой создавалось впечатление, что даже лучше левой.

Годы прошли, пути наши пересекались, но вот всеобщая катастрофа – распад Советского Союза. Калберз в Латвии, кто-то даже пытался не дать ему гражданства (родился вне пределов Латвии, в Туве, где его родители-медики налаживали здравоохранение в 30-е годы). Кто-то более трезвый обратился к сознанию: “Опомнитесь – он один из ведущих медиков мира! Если он не латыш, то кто Вы?” Роль Калберза вырисовывалась в мировой медицине и ещё раз была подчёркнута на его 85-летию в 2013 году. Российская академия наук в новом составе избрала его академиком. Многие медицинские центры, организации, академики прислали ему приветствия. При некотором смущении местных властей были зачитаны добрые слова от президента России В. В. Путина.

Весь этот итог жизни он пунктиром провёл в цветистой, многостраничной книге “Моё время” в том году. Конечно, её достоинство в массе фотографий, документов, реликвий, которые его окружали. Виктор Константинович – грандиозный системник, даже почти весь свой особняк он отвёл под панораму его жизни. Всё у него записано, сфотографировано (с фотоаппаратом он не расстаётся).

Но его жизнь оказывается нашей жизнью, жизнью человечества, а его книга не фотоальбом, а профессиональное и художественное творение – Книга с большой буквы, Книга Учёного, Гражданина, Мыслителя, Писателя. Он ничего в ней не упустил в нашей героической и трагической жизни. Я восхищаюсь и завидую: в нашей науке, медицине, литературе творит подлинный Энциклопедист XX–XXI века.

Деревенщик великого масштаба

Саша Арцибашев принадлежал к тому вымирающему племени писателей-журналистов, которые писали о русском селе, о его проблемах, о русской деревне... Как они сражались за её выживание, за её духовную и социальную культуру. В её жизни за послевоенную эпоху переплелись живительные и омертвевшие линии. Да, многие помнят, как в 50-е годы статьи Валентина Овечкина, обращённые к “районщикам” (его слово) и к власти, обсуждались даже на партийных конференциях. А статьи Ивана Васильева, печатавшиеся в “Правде”, поутру читала вся страна. Обзоры омского аналитика, профессора Леонида Иванова были убедительны и доказательны (кабы кто делал выводы из них!). Хотя вот Горбачёв, чтоб задобрить, что ли, зубодробильного критика, дал Ивану Васильеву даже Ленинскую премию (ещё бы, ведь за состояние дел на селе в ЦК партии он отвечал с 80-х годов!). Ну, в общем, как всегда, за что бы Горбачёв ни брался – всё разваливалось.

Саша был из плеяды борющихся, творящих, освещающих деревню. Он призывал (как и многие писатели) к отмене угрожающих многомиллиардных затрат по повороту сибирских рек на юг, к отмене освящённого именем академика Заславской плана ликвидации “неперспективных русских деревень”, против пустой траты миллиардов на мелиорацию центра России, на всеобщую химизацию земли. Умные губернаторы с ним советовались, а он вёл передачи на телевидении, возглавлял газету “Сельская жизнь”. Одним словом: был Радетель о земле Русской.

В постперестроечное время это не приносило ни славы, ни денег. Нужно было “распиарить” то пустейших детективщиков, то так называемую “женскую прозу”, то зарубежных эмигрантов, которые за рубежами нашей страны не заняли никакого серьёзного литературного места.

А Саша страдал и взывал, объединяя людей, находил крупинцы положительного опыта в сегодняшней жизни и писал статьи, очерки, повести о жизни села.

В принципе, он и принадлежал к той нравственной прозе России, которая была названа “деревенской прозой” и провозглашена ревнивым, но, безусловно, талантливым писателем Чингизом Айтматовым вершиной отечественной прозы в XX веке.

У нас в Союзе он возглавлял Совет по сельской прозе, а на самом деле, **Собор людей села:** академики, профессора, председатели оставшихся колхозов, фермеры, селекционеры, работники сельских клубов. Когда этот Собор проходил, зал был бурным, нелицеприятным.

Когда мы ехали в вагоне через всю страну для участия в знаменитом пленуме Москва–Владивосток (2001), он стоял всё время у окна и смотрел, что-то записывал, потом объяснил: вот проехали Урал, Омскую область, Алтай, Красноярский край и Забайкалье. Я насчитал тридцать тракторов, двадцать комбайнов – разве можно вспахать ими эти тысячи километров? “А вообще-то, Валерий, я скажу тебе, что XX век, его неоднократное падение и застой ещё именно из-за того, что власти не умели опереться на деревню, на её силы. Вот смотри: государство не сумело распорядиться столыпинскими реформами – революция, крах империи. Ленин вообще не любил крестьянство – это обернулось голодом, и если бы Сталин не решил построить социализм в одной отдельно взятой стране, а не следовать мифу о мировой революции, страна бы не выжила. Но крестьянство для него стало той “колонией”, которая позволила провести индустриализацию. После войны не до деревни было – надо было всю страну восстанавливать. Сумасбродный Никита хотел, главным образом, распространить на всех широтах кукурузу, построить агрогорода, догнать Америку по производству мяса, для чего вырезали до половины скота. Главного врага увидел в Церкви: “Я вам в 80-м году покажу последнего попа!” При нём в деревне, как и в городе, было уничтожено больше храмов, чем при Сталине. Брежнев благодушествовал, резкого подъёма села при нём не произошло. Ну, а для Горбачёва главным было не благо своего народа, а благосклонность Буша, Тэтчер и всей этой братии. Распался Советский Союз, наше село, как Атлантида, идёт ко дну. В общем, скажу тебе горькую правду: **если власть не возьмётся за восстановление села в центре России, она погибнет**, как царская империя и Советский Союз”. Недавно Саша ушёл из жизни, так и не услышанный теми, к кому обращал свои мысли. Да, часто нет пророка в своём Отечестве.

Клокочущая Лузитания

В начале 70-х годов в Португалии произошла революция – последний фашистский диктатор Салазар ушёл с исторической арены. Два гитлеровских последователя – Франко и Салазар – тихо и не вызываясь себя вели на Пиренеях после разгрома фашистской Германии. Все понимали, что диктатуры вот-вот падут. Особенно ждали этого момента молодые испанцы, которых, спасая от гражданской войны в Испании, вывезли в Советский Союз. Их любили, и они у нас иногда жили в специальных лагерях, иногда просто в семьях. Были они большими патриотами Советского Союза. Кто постарше – ринулся в нашу армию, чтобы сражаться с немцами. Под Сталинградом, например, погиб Рубен Ибаррури – сын революционерки, руководителя компартии Испании в изгнании Долорес Ибаррури.

Со мной на курсе учился хороший парень Посуэко Торес Пепе Луис. Он с тоской вспоминал Родину и, когда получил разрешение вернуться туда, поехал. Побыл там год и – обратно в Советский Союз, вместе со многими, считая, что именно тут его настоящая родина. Португальцев мы знали меньше. Уж очень, как казалось тогда, они были далеки от России.

Но вот вспыхнула Португальская революция, “португальская весна”. К удивлению многих, она носила довольно мирный характер. Всему миру и нам запомнился удивительно дружелюбный плакат той революции. На нём симпатичный юный португалец вставляет розу в дуло армейской винтовки. Мы знали, что в Португалии большие (даже подавляющие) симпатии населения были у левых партий – коммунистов и социалистов. Но особой симпатией у нас в Союзе, да и во всём мире, пользовался романтичный лидер коммунистов Альваро Куньял. В его биографии – многолетняя борьба с фашистской диктатурой, слежки агентуры, аресты, побеги из самых укрепленных и неприступных тюрем. Связи с Португалией всё шире, публикаций всё больше. Узнаём, что Куньял написал художественную книгу (правда, под псевдонимом) о жизни, о служении людям, о побегах из тюрьмы. А ведь у него самого, по крайней мере, один их побегов вошёл бы в учебник (если бы такой был). Из крепости он совершает побег, бросаясь в море, переплывает бухту, скрывается

в хижине у соратников. И снова в революционную борьбу. В жизни подвижников и героев XX века он стоит в одном ряду с Че Геварой, Нельсоном Манделой, Фиделем Кастро. Мы выпускаем эту книгу, заполучив рукопись из Португалии. И вдруг — о радость! — меня посылают в Португалию на первый послереволюционный легальный съезд комсомола. Читаю перед поездкой хоть что-нибудь о Португалии. Увлёкся классиком, поэтом Камозансом. Древнее название Португалии — Лузитания. Вот мы и попали в эту клочковатую Лузитанию. Она нас встретила митингами, демонстрациями, большими оживлениями. Свозили в южные провинции, где создавались колхозы (они, конечно, были добровольными и навеяны рассказами о добротных колхозах СССР). Повезли в северный Порту, где производился настоящий портвейн. Директор завода рассказал, что “портвейн” — самая большая статья доходов Португалии. Он спросил: “А вы пили портвейн?” Я самонадеянно сказал, что, конечно же, да. Ибо со студенческих лет запомнил это самое дешёвое вино (90 копеек), которое мы распивали, проходя 7 ноября вдоль Владимирской к Крещатику в Киеве. Демонстрации были полновесные, трёх- и четырёхчасовые. Сначала пройдут рабочие коллективы, а потом студенты. Во время многочисленных пауз, после пения, мы подходили к киоскам и на троих брали 90-копеечную бутылочку “Портвейна”. В общем, запомнил, но когда хозяин предложил нам по рюмке портвейна из бочки, буквально ошалел от приятного вкуса и запаха. С тех пор я знал, что такое настоящий портвейн. Ну, а потом мы попали на съезд, что проходил в большом десяти тысячном спортивном зале, который был полностью заполнен. Это был океан эмоций, песни, речёвки. Ко всему этому мы не совсем привыкли, ибо у нас всё было “по-серьёзному”, в подражание старшим товарищам. Но буря произошла, когда зашёл в зал Альваро Куньял. Подлинный вождь и авторитет для молодых.

Точёный профиль, седой, сухопарый, с манерами аристократа, но простой и любимый всеми трудовыми людьми Португалии. Он-то и сказал, что Португалию ждут не менее тяжёлые времена, чем при диктатуре Салазара. Буржуазия и НАТО социализм в страну не пустят, поэтому молодым следует крепить свои ряды, учиться, ибо врага надо превзойти знанием и умением. Буря после этого выступления долго не кончалась, а потом пошли обычные съездовские дела, приветствия, а затем прения, выборы. Мы же пошли по вечернему Лиссабону. “Наши спокойные кофейни превратились в дискуссионные клубы, — объяснил сопровождавший нас парень. — Мы с вами зайдём в большой зал, где, думаю, дискуссии продолжаются”.

В зале было полно народу. Некоторые столики сдвинуты: там сидели группы людей за кружками пива и бокалами вина. Мой собеседник с улыбкой сожаления говорил: “Вот за тем — социалисты, за этим — социал-демократы, там — христиане, за тем — правые радикалы” — “А это кто такие?” — “А чёрт их знает! Но вот в центре — левые радикалы. Это как ваши Махно и Чапаев”. У нас всё в голове перемешалось. Сопровождавший нас гид после того, как поучился в Высшей комсомольской школе, по крайней мере, познакомился с историей нашей революции. От того столика левых радикалов вдруг направился к нам человек. Он подошёл и что-то спросил. Сопровождающий ответил: “Советские!” — “Ревизионисты!” — вскричал он. Вдруг вскочил на стол, выхватил из кармана пистолет и выстрелил в потолок. “Мы революцию не предадим, возглавим весь мир”, — вскричал он и удалился. “Очередной дурак?” — спросил переводчик. “Да, нет, — ответил сопровождающий, — это мнящий себя р-р-революционером, небезызвестный генерал Карвалью!” Потом я узнал, что Карвалью претендовал на место главного руководителя португальской революции, т. е. хотел прибрать её к рукам, ничего для этого не сделав. Всюду много таких претендентов на первые места!

Уезжали из Лузитании с любовью к ней и её людям, но с тяжёлым чувством разворачивающегося обмана, что на левом, что на правом её фланге.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

А всё началось вроде бы не с самого большого исторического факта. Мало ли было в истории убийств, да и не менее громких. Австрийский принц Фердинанд был убит в Сараево югославским патриотом Гавриилом Принципом — и началась всемирная бойня. Десятки лет назад я стоял в Сараево, где на улице в тротуаре была отпечатана ступня Гавриила Принципа. Она, что ли,

и привела к первой мировой войне? Дерзкий выстрел и основной повод этого безумия, которое овладело странами и народами?

Вспоминаю далёкий 1973 год. Я работаю в издательстве “Молодая гвардия”, выпускаем массовым тиражом книги, придумываем новые серии. Одна из серий – “Даты истории”. В заголовке – день, т. е. цифра, от которой начиналось событие. Ну, конечно, 7 ноября – начало Октябрьской революции, повествуем о ней. 12 апреля, тут уж мы все знали: Гагарин, человечество рвануло в космос. 3 сентября 1945 года – капитуляция Японии, конец второй мировой войны. Дали мы задание нашему замечательному автору, профессору МГИМО Николаю Николаевичу Яковлеву: “1 августа 1914 года” – начало Первой мировой войны. Он начал работать. Вдруг у нас в издательстве появляется заместитель начальника КГБ Филипп Денисович Бобков. Мы за собой вроде особой вины не чувствуем, разве что стали массово выпускать “почвенников” и “деревенщиков”, да и многих русских писателей, что, конечно, “подрывает” некоторые идеологические устои, но, в общем, на пользу общества, как считали мы. Да и не мы одни выпускали. Вот и “Совпис”, и “Московский рабочий”... Филипп Денисович был дружелюбен, внимателен и показывал знание наших проблем и авторов, хотя был у нас в первый раз. Да, в общем, и работа у него такая – знать всё. Он осторожно спросил: есть ли у нас что-нибудь о Первой мировой войне. Объяснили: “1 августа 1914 года”, книга профессора Яковлева. Бобков вроде бы обрадовался – автор хороший. Поговорил немного и ушёл. Через час по “вертушке” – это АТС-2 кремлёвской связи, что мне досталась от ушедшего в ЦК Мелентьева, – “звонит Беляев (зав. сектором литературы при ЦК КПСС). “Получали ли Вы письмо Солженицына?” – “Да, получали”. Солженицын прислал нам (и как мы потом узнали, и в другие издательства) письмо, что окончил роман “Август 1914”. Я печатал позднее в 1989 году в “Роман-газете” этот роман. Роман неплохой, но тогда “очень не посоветовали”.

А тогда – что встревожило КГБ? Что, только один Солженицын пишет о Первой мировой войне и, не дай Бог, выведет из её поражений Октябрьскую революцию, что, в определённом смысле, так и было? Когда вышла книга Яковлева, у нас было два результата: довольно интересно было сказано о первой мировой войне и – второе, а может быть, и первое – Яковлев исследовал и дал первое и развёрнутое сообщение о том, что во время Февральской и Октябрьской революций руководители всех партии были масоны: октябристы, кадеты, эсеры, меньшевики, большевики (Зиновьев, Каменев).

Так под знаком Первой мировой войны мы впервые рассказали об этой всемирной паутине. И хотя академик Минц и его со товарищи были готовы разгромить эту книгу, кое-кто не дал развернуть ни критику, ни похвалу. А знание о масонстве появилось и перестало быть запретным.

Две академические школы

Я побывал под дружественным влиянием академиков медицины – славных Евгения Ивановича Чазова и Лео Бокерии. К Чазову я попал в 2005 году по ходатайству Толи Цыба, моего друга, академика. Лежал, “не шуршал”, меня потихоньку обследовали. Решили сделать коронографию, но уже на медицинской каталке обнаружили, что у меня язва желудка, и зав. отделением Савченко, блеснув глазами, отправил обратно в палату – могло быть кровоизлияние. В то время Чазову позвонил митрополит Кирилл и сказал, что у него лежит “наш товарищ из Всемирного Русского Собора Ганичев Валерий”, и попросил обратить внимание. Евгений Иванович немедленно зашёл, пожурил, что я не представился до сих пор, сказал, что за два дня проверит, протестирует и решит, что делать дальше. Через два дня пригласил в кабинет и сказал: “Если в организм не надо вмешиваться, лучше не вмешиваться”. Видя мои недоверчивые глаза, продолжал: “А ты что, считаешь, если я хирург, то сразу резать? – и, хитро блеснув глазами, закончил: – Это я только генеральных секретарей резал” (судьба Брежнева, Андропова и Черненко была в то время известна). Я покачал головой: “А вот в 1937 году Вы так бы не пошутили?” Чазов прихотнул: “Да я тогда и не шутил”.

В общем, меня выписали, и, дай Бог, всё нормально до сих пор.

С Лео Бокерией я тоже несколько раз советовался. На последнем правительственном приёме мы обнялись, и я сказал: “Как я рад, что мы встреча-

емся не на Вашей работе!” Он согласился, что лучше в бассейне с баней, где мы не раз бывали. Но вот о том, чтобы выпивать, о том, чтобы употреблять спиртное во время сердечных недомоганий, было два разных мнения двух академических школ. Когда Чазов мне сказал, что можно выпивать в таких случаях, Светлана мне не поверила. На одном из “знатных” приёмов я подвёл её к академику и сказал: “Евгений Иванович! Скажите ей, что мне можно!” Евгений Иванович со всей академической серьёзностью объяснил: “В день можно 50 или 100 грамм водки, или стакан красного вина. Больше не надо”. Я победоносно посмотрел на Светлану: академик советует.

Бокерия же, мягко улыбаясь, внятно говорил о возможной рюмке коньяка. Уважая двух великих кардиологов, приходилось поочерёдно обращаться к их советам.

Санкции

Шестилетняя правнучка Ульяна разбросала свои игрушки по всей комнате и к вечеру не прибрала их. Пришла мама и твёрдо сказала: “Если не умеешь ухаживать за ними, собираем игрушки в мешок и выносим его на балкон до весны”. Ульяна опечалилась, а потом, прислушиваясь к разговору взрослых, горестно сказала: “Мама, это ты на меня **санкции** вводишь?” – “Выходит так”, – не улыбаясь, отвечала мама. “А если буду убирать, ты санкции снимешь?” – “Посмотрим, может, и сниму”, – улыбнулась мама.

На меня бараны в горах не кричали Гагарин и Гаганова

Пригласили в советскую Абхазию на праздник-поминок бывшего первого секретаря обкома, что сгинул от Берии в 1937 году. В высокогорном ауле накрыли столы в нескольких шатрах. В первый, самый почётный, пригласили и нас – из Москвы же! Посадили за третий стол. За первым сидели старики или, скажем, старшие, которым исполнилось 100 лет! За вторым – 90-летние! Мы – рядом с 80-летними (ибо, если наши сорок помножить на два, то 80 и будет). С нами была знаменитая текстильщица Валя Гаганова, которая четыре раза переходила из своей лучшей бригады в отстающую и делала её передовой. Хотел бы я видеть миллиардера Прохорова или Потанина, или Дерипаску, которые перешли бы в отстающую отрасль промышленности и сделали бы её передовой. А Валя по-своему была миллиардером. К ней тянулись, здоровались, фотографировали, все её знали в лицо, приветствовали. Она была очень дружна с Юрием Гагариным, в их открытых лицах ярко светилась советская эпоха.

Первый секретарь обкома партии, который сидел за главным столом, встал и обратился к старейшинам: “Дорогие, что если мы пригласим за наш стол уважаемую Валентину Гаганову, ведь она своими переходами в 30 лет прошла путь столетней женщины, хотя она ещё девушка”. Старики уважительно похлопали в ладоши, а Валя, смущаясь, пошла в самый почётный первый ряд людей республики.

Так страна чествовала и любила своих героев – в горах, в степи, в тайге.

На вечере запомнилась мне и беседа с моим соседом, 85-летним пастухом. Я спросил: “Дедушка, болел ли ты когда-нибудь?” – “Никогда”. – “Лежал ли на больничной койке?” – “Нет”. – “Принимал ли какие-нибудь лекарства?” – “Никогда. А ты, сынок, – спросил он, – болел, в больнице лежал и лекарства пил?” – “Не раз. Дак почему это?” – спросил я. “Да вот, сынок, я овечек пасу, и за всю жизнь ни одна овечка, ни один баран не кричал на меня. А признайся, что тебя в городе не один баран обидно обругал”. Да, может, и поэтому я болел нередко или, по крайней мере, переживал часто, ибо не раз и не один баран упражнялся на моих нервах.